

Анастасия Якушева

Тень и меч

18+

Анастасия Якушева

Тень и Меч

<https://litres.ru/74009761>

SelfPub; 2026

Аннотация

Талла — крылатая наемница-вампир, чьей жизнью управляет голод. Она живет среди трущоб и бедняков — там, где человеческая жизнь стоит меньше краюхи хлеба. Но однажды заказ приводит ее в богатый район, и все идёт не по плану: она ранена, а потом кто-то заказывает и её саму.

Аксель — гвардеец, аристократ из обедневшего рода. Меч и выцветший герб — всё, что у него осталось, но красивое лицо и умение обходиться с женщинами помогают сводить концы с концами среди мрамора — там, где человеческая жизнь ничего не стоит без влияния и капитала.

Она не знает, кто её заказал. Он не знает, кто разорил его отца. Но их пути пересекаются в опасной интриге, где события прошлого и настоящего оказываются связаны. И только объединив силы, они смогут распутать этот клубок — потому что нити уже оплели весь город, от трущоб до самого дворца.

Книга участвует в конкурсе черновики и публикуется "из-под пера". Возможны шероховатости

Содержание

Глава 1. Сумерки над Суфаром	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Анастасия Якушева

Тень и Меч

Глава 1. Сумерки над Суфаром

Аксель

Солнце раскаленными лучами поливало открытую площадь. Аксель стоял у помоста, положив ладонь на эфес меча, и изнывал от жары в парадной офицерской форме. На помосте судья зачитывал приговор. Аксель не слушал. Эхо чужих голосов сливалось в назойливый высокий писк и перекатывалось тугими волнами растущей мигрени. Парадная форма, скроенная по канонам северной метрополии, превратилась в духовку.

Но вот судья замолчал. Краем глаза Аксель заметил, что палач поднял топор. Все казалось медленным, словно застывшим в густом, липком меде. Осуждённый завыл молитву. Толпа завопила и навалилась на оцепление. Аксель почувствовал, как боль заползает внутрь глазных яблок и сдавливает их изнутри.

Над помостом хе-кнуло.

Удар.

Хруст костей.

И в духоте поплыл металлический привкус.

Аксель нетерпеливо переступил с ноги на ногу: еще немного и можно будет покинуть эту жаровню.

Наконец, судья возвестил об окончании казней, и рядовые принялись теснить толпу, очищая площадь. Аксель уже сделал шаг к боковой улочке, мечтая о том, как сможет упасть на кровать и переждать приступ головной боли, когда его окликнули:

— Эй, Аксель!

Он обернулся: парень был из знатных, но слишком смуглый для валлийца, да и ростом низковат, возможно, из первой волны колонистов, когда еще охотно брали местных жен.

— Как насчет холодного пива после такой жары? — предложил парень.

Боль буравила висок.

— Ослиная моча — это твое местное пиво, — процедил Аксель.

— Ах, извини, валлийская светлость, мы столичных изысков не пробовали.

Парень сплюнул под ноги и демонстративно отвернулся.

— По тебе видно, — пробубнил ему в спину Аксель и нашел взглядом молодого парнишку, из младших гвардейцев, — эй ты. Сюда иди!

Парнишка подскочил. Аксель стянул плащ и швырнул па-

реньку. Расстегнул гербовую кирасу и положил сверху.

— Головой отвечаешь, — прошипел сквозь боль, — отнесешь в казарму, почистишь и завтра отдашь мне в руки.

— Слушаюсь, мсье, — парень накинул плащ поверх мундира и перекинул кирасу через руку.

Но Аксель не видел. Он отвернулся и с прямой спиной зашагал к ближайшей улочке. Зрение сузилось до узкого, нестерпимо яркого туннеля. Сегодня возвращаться в казённые комнаты он не будет — проклятые мигрени делали из него немощного паралитика и выворачивали нутро наизнанку. Блюющий столичный маркиз станет лучшим развлечением всей казармы на ближайшие несколько лет. Даже нищий и с отцовскими долгами вместо наследства он местным аристократишкам поперек горла.

Нужно было поскорее добраться до знакомой ночлежки, забиться в темную чердачную комнату и раствориться в тошнотворном пульсирующем киселе головной боли. Лишь бы успеть, пока его не начало рвать.

Талла

Талла прижалась к плоской крыше и наблюдала за улицей. Солнце дрожащей золотой каплей быстро стекало за зубчатый край Соляных кряжей и погружало город во тьму. Последние жители бегом залетали в двери, присыпали пороги солью и кропили косяки жертвенной водой. Запирали тяже-

лые засовы и ставни. Талла улавливала шорохи задвижек и обрывки торопливых молитв своим чувствительным слухом.

Она оглядела улицу в обе стороны и плавно перескочила на соседнее здание. Потеряла равновесие. Выровнялась и снова припала к краю. Нос ловил тяжелые мускусные отголоски мужчин, еще недавно наполнявших улицу. Низ живота скрутило спазмом: сегодня Луна взывала к естеству, а она не успела ответить — ухватилась за внезапный заказ. Теперь придется терпеть, пока не закончит дело. Заказчик говорил, что хозяин ломбарда — лишь шестерка. Настоящий зверь сидит во дворце. Но кто — не сказал.

Солнце полностью скрылось за горным хребтом, небосвод почернел и заискрился звездами. Фонарей не зажигали — ни к чему, ночью на улицах правят демоны, а люди сидят по домам. Лучшее время, чтобы заниматься темными делишками, особенно если ты невидима для этих демонов.

Талла спустилась с крыши и юркнула в тень навеса. Просунула узкую металлическую ленту между ставнями и подцепила задвижку. Ставни распахнулись. За ними виднелась тяжелая кованая решетка. Она прислушалась — хозяин топтался наверху. Даже с улицы она слышала его неровное одышливое дыхание. Просунула руки между прутьями и на ощупь поковыряла отмычками в замке. Уши уловили шуршание песка где-то совсем рядом. Талла обернулась.

Медлительная светлая фигура тащилась по улице в ее сторону, подволакивая негнущиеся ноги и разевая черный про-

вал рта.

Замок решетки щелкнул. Талла толкнула и скользнула внутрь.

Фигура прошаркала мимо.

В помещении было темно, но ее чувствительным глазам это не мешало. Пахло старьем, дешевыми благовониями и мужчиной — не молодым, но еще в форме. Она сглотнула и стряхнула наваждение. Луна подождет, ей нужны деньги. Длинные прилавки высотой по пояс перегораживали прямоугольное помещение. В углах топорщились какие-то неясные нагромождения. В дальней стене зиял провал — лестница.

Талла обошла прилавков и осторожно двинулась к противоположной стене. По мере приближения лестница вырисовывалась все отчетливее. Крутая. С поворотом. Ступени узкие и, судя по кисловатому отголоску в запахе древесины, ослабленные древооточцами, а значит, будут скрипеть.

«Неряха», — подумала Талла, — «не поверю, что хозяин ломбарда себе на ремонт не заработает».

Она всунула голову на лестницу и поглядела наверх, оценивая высоту. Подобралась, в несколько шагов оказалась на втором этаже и метнулась к комнате, за которой пыхтел хозяин. Распахнула дверь. Желтый свет лампы резанул по глазам. В нос ударил запах мужского немытого тела. На кровати застыл толстяк в распахнутой рубахе. Низ живота обожгло. Хотелось стащить рубаху и взять его прямо там. Она с трудом стиснула нож и прыгнула. Ткнула в шею. Неудач-

но — в артерию не попала. Толстяк захрипел, и вдруг боль вспорола ее правый бок.

Талла отшатнулась.

В пухлой руке, наполовину скрытой цветастой подушкой, был зажат длинный четырехгранный стилет.

— Дерьмо, — выругалась Талла.

— Дура, — прохрипел толстяк, — ты хоть знаешь, чей я человек?

— Плевать. У меня свой человек, который заказал тебя.

— Сдохнешь — и ты и твой заказчик. Весь город будет на вас охотиться.

— Говори сколько хочешь — сначала сдохнешь ты.

Она пырнула ножом. На этот раз точно.

Толстяк забулькал. Кровь обильной волной хлынула на взбитую постель. Запах перебил мускус, и в голове немного прояснилось. Талла отошла и прижала бок. Оттуда при каждом движении сочились горячие струйки.

«Дерьмо», — выругалась.

После граненого стилета легких ран не бывает. Лучше трижды получить ножом, чем один такой в живот.

Она сплюнула. Руки тряслись. Надо было срочно найти живую кровь — стянуть раны. Но если не найти того, что хотел заказчик, ей не заплатят. А без денег она не переживёт следующий месяц.

Она зажала бок и подошла к письменному столу. Выдрала ящички и высыпала на пол содержимое, пачкая кровью. Обна-

ружила тайник. Двинула ногой, и дощечки рассыпались. Подобрала записную книжицу в инкрустированном переплете, сунула за пазуху и потащилась вниз.

Перед глазами уже начали бегать мушки. В ушах грохотало собственное сердце. Спотыкаясь, оббиваясь об углы прилавков, она дошла до окна. Распахнула ставни и вывалилась на улицу.

Над городом всходила луна и серебро заливало улицы. Нужно было срочно найти человека: без живой крови к утру она отдаст концы.

Талла подошла к ближайшему дому и попыталась выбить дверь. Замок не поддался. Подошла к соседнему — то же самое. В ремесленном квартале не бедствовали и на засовах не экономили.

Кровь текла по ноге в сапог. В голове шумело, перекрывая звуки улицы и делая ее наполовину слепой без острого слуха. Черные мушки разрослись в мутные пятна и плавали, закрывая обзор.

Надо было срочно добраться ближе к трущобам, где у жителей нет денег на хорошие замки. Выбьет дверь и выпьет первого, кто попадется под руку.

Она похромала по пустынной улице. Голова тяжелела. Ноги слабели. И сквозь боль она снова слышала, как зовет Луна.

Что за злобные демоны послали ей этот заказ?

Возле какой-то лавки она споткнулась и рухнула в сложен-

ные шалашиком подпорки и тряпки дневного навеса. Да так и осталась лежать. Звезды раскинулись над ней и то гасли, то разгорались ярче, пока совсем не почернели.

«Дерьмо», — подумала Талла и потеряла сознание.

Аксель

Аксель проснулся перед рассветом. В голове еще шумело, но уже не так сильно. Он осторожно сел и спустил ноги на пол, задев жестяной тазик. Темная жидкость лениво бултыхнулась, и по комнате поплыл запах рвоты. Аксель согнулся, давая новый спазм. Продышался сквозь зубы и подошел к маленькому окошку. Распахнул ставни.

Небо над восточным краем уже начало светлеть, значит, улицы уже безопасны. Он высунулся по пояс и жадно вдыхал предрассветную прохладу. Боль отпускала, оставляя лишь зудящее напоминание в висках. Но до завтра и оно пройдет.

Воздух струился в легкие живительной волной. Нужно было вернуться в казармы до побудки, чтобы избежать объяснений с комендантом. Если выйдет сейчас, как раз успеет привести себя в порядок до того, как всю казарму поднимут.

Он с неохотой втянулся обратно в пропахшую потом и рвотой комнатку. Подобрал сапоги и выскочил в коридор. Уже там обулся и спустился. За пустым прилавком никого не было. Хозяйка с вечера заперла дверь и спокойно ушла спать — по ночам гостей в Суфаре не встречают. Аксель от-

пер дверь и вышел на улицу.

Домишки жались друг к другу вплотную, сливаясь в стены единого лабиринта, расчерченного хлипкими дверями и редкими зарешеченными окошками.

Вскоре земляные улицы сменились булыжными мостовыми ремесленного квартала. Глинобитные стены уступили место аккуратными постройками из песчаника. Над проходами перекинулись широкие арки, соединявшие дома на противоположных сторонах. Двери стали шире и мощнее. Стало заметно чище. Аксель почувствовал себя уверенней.

У одного из домов он увидел невнятную кучу тряпья и длинных палок. Хотел обойти, но вдруг заметил торчащие из-под тряпья ноги в кожаных штанах и добротных сапогах. Притормозил. Сапоги были хорошие. Местного покроя, но из дорогой кожи. На рынке за такие берут серебром.

Он примерился к ногам и легонько попинал. Ступни вяло покачались, но обладатель как будто бы не отреагировал. Аксель оглядел улицу: пока пустынно. Если быстро стащить, можно потом толкнуть на рынке. Нищему маркизу сложно поддерживать репутацию на гвардейское жалование, пусть и офицерское. Да и парадную форму почистить — удовольствие недешевое. Не самому же ему в прачки заделываться.

Он присел и потянул сапог. Размерчик оказался миниатюрный. На женщину.

Вдруг из-под тряпья послышался стон. Аксель дернул и быстро стащил сапог.

— Сука, — захрипело из-под тряпья, и полог откинулся.

На Акселя смотрела девчонка. Из местных: смуглая, черноволосая, глаза запали, а губы посерели, но смотрела с неприкрытой злобой.

Аксель ухватил второй сапог. Девка двинула босой ногой ему в челюсть. Зубы громко клацнули. Губа треснула, и кровь струйкой потекла по подбородку.

— Вот тварь, — он крепче вцепился в свою добычу.

Девка рванула вперед и вцепилась ему в плечи. Мышцы пронзило болью, как будто у нее там были когти. Они вдвоем завалились в тряпье. Аксель зашарил по привязи, но меч запутался в тряпках. Вдруг ее рот прильнул к шее. Горячее дыхание обожгло. Что-то острое вспороло кожу и сжалось, выдирая плоть.

Аксель заорал и двинул девке под ребра. Там было мягко и липко. Она отцепилась и закашлялась кровью. Он запутался в тряпках. Девка саданула лбом между глаз. Нос хрустнул, и теплым ливануло на подбородок. Под черепом зазвенело.

Она перекатилась, оседлала его и вдруг развернула здоровенные пепельно-серые крылья с поломанными перьями.

Акселя прошибло — никакая это не девка.

Стрикса! Кровососка!

Страх рванул к горлу.

А она по-птичьи склонила голову и уставилась на него немигающими янтарными глазами. Бледные губы были испачканы его кровью. Она медленно приближалась, а он смот-

рел, не в силах пошевелиться, будто замороженный этим взглядом.

Она моргнула, и наваждение пропало. Аксель дернулся. Дал кулаком ей в окровавленный бок. Стрикса зашипела. Закашлялась, давясь кровью. Он откинул ее. Вскочил на ноги. Она бросилась сзади. Впила в шею. Жадно присосалась. Аксель чувствовал, как влажно чавкают ее губы под самым ухом.

Толкнулся ногами и впечатал ее спиной в стену. Рот с чпокающим звуком оторвался от шеи. Акселя чуть не вывернуло. Стрикса вцепилась ему в волосы и неожиданно рванула назад. Он потерял равновесие и свалился на землю. Она оказалась наверху. Двинула его затылком об мостовую, и в глазах потемнело. Все перепуталось. Дыхание сбилось. Влажный рот присосался к шее. В ушах нарастал шум. А потом вдруг тяжесть сместилась ниже. Боль в шее прекратилась и стрикса тяжело задышала. Он почувствовал ее подвижный горячий язык. Треск одежды. Она заерзала. Дернула мундир, потом рубашу, потом штаны и вцепилась ему в сосок. Он попытался стряхнуть, но руки стали тяжелые. Она отпихнула и ритмично задвигалась на бедрах. А Аксель только хватал ртом воздух и пытался не потерять сознание.

Потом она коротко выдохнула. Где-то хлопнул засов, и тяжесть вдруг пропала. Перед глазами мелькнули широкие крылья. Лицо обсыпало пылью. И все прекратилось. Только ее пошатывающийся силуэт мелькнул в боковом зрении

и скрылся за поворотом.

Аксель лежал на мостовой и с трудом пропихивал дыхание в легкие. В голове шумело. Шея горела огнем. Ветер охлаждал мокрую кожу от горла до самого паха. Он перевернулся набок, и его вырвало. Тело трясло от слабости и омерзения. Неподалеку слышались звуки открывающихся ставен и тихие голоса.

«Сука» — подумал он, — «Что это было?»

Потом медленно поднялся на колени и оглядел улицу. Перед глазами плясали цветные пятна. Тряпье, на котором он валялся, было густо вымазано кровью. Одежда висела ключьями, словно ее посекали ножами.

— Сука, — выругался он уже вслух и встал на ноги, прижимая кровотокающую рану на шее.

Надо было убираться — ремесленный квартал встает рано, а свидетели такого позора ему точно не нужны. За поворотом слышался гомон голосов. Он подтянул падающие штаны, другой рукой запахнул ошметки мундира и потащился к казармам, подсчитывая в уме, во что встанет пошив новой парадной формы. В соседнем переулке мелькнула вывеска с золотой подковой. Несколько чернявых голов повернулись в его сторону и проводили взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.